

Цѣна отдѣльнаго номера четыре драхмы.
Въ предварительной записи три драхмы.

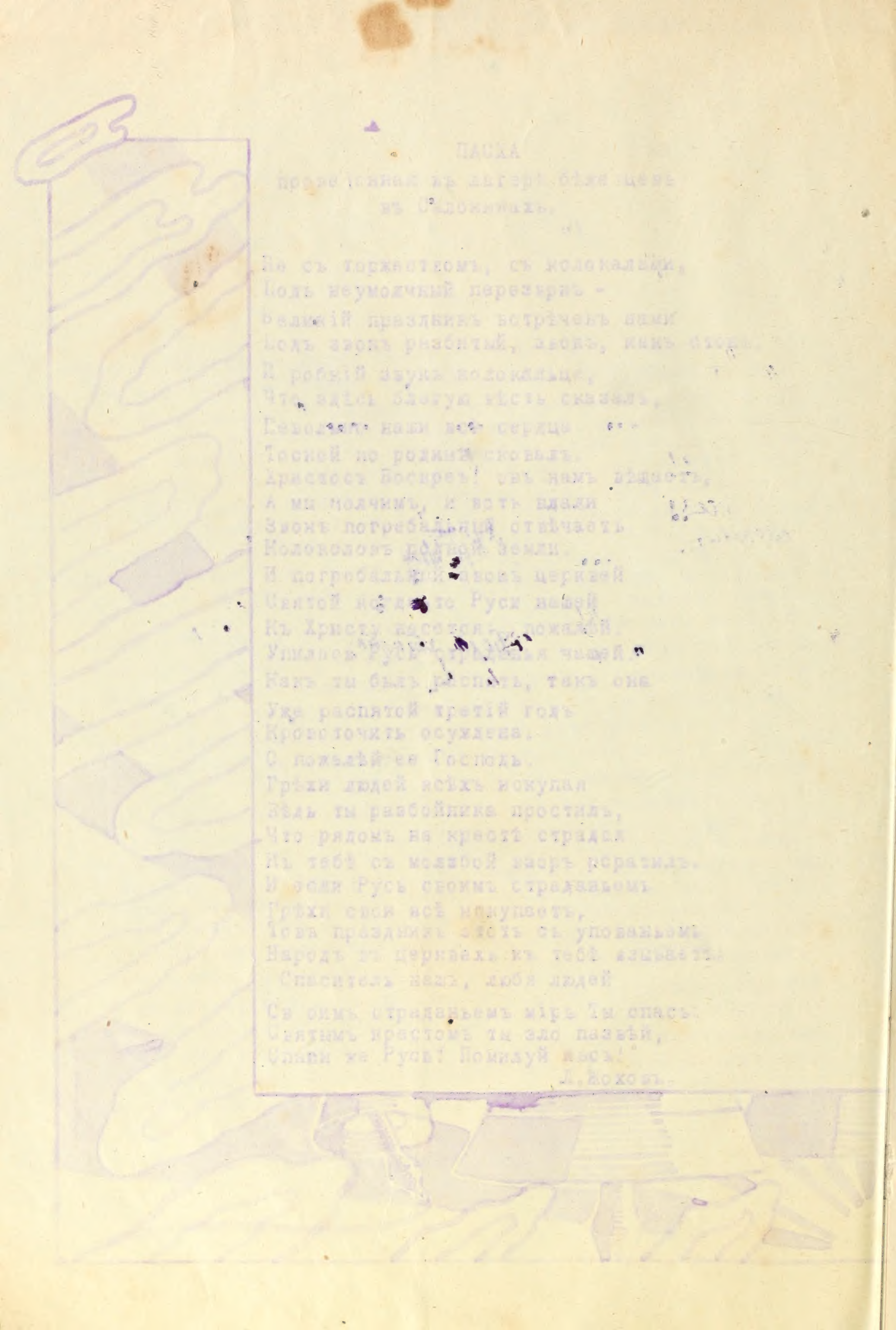
Отъ редакціи.

Въ Салоникахъ, гдѣ издается свыше двадцати печатныхъ органовъ на разныхъ языкахъ, нѣтъ ни одного русскаго. И не только въ Салоникахъ, во всей Греціи. А вѣдь насъ не мало, и не мало такихъ, которые привыкли ежедневно получать газету къ столу, какъ хлѣбъ. Потребность въ русскомъ печатномъ органѣ чувствуется давно, но сдѣланныя до сихъ поръ попытки не увѣнчались успѣхомъ и надежды мало. Нашъ русскій размахъ непригоденъ въ этой мелко-мѣщанской, провинціально-отсталой странѣ, не вырастить намъ на этой скудной почвѣ видимаго плода русской мысли, достойнаго прежнихъ завѣтовъ и прежней культуры народа, великаго даже въ безумствахъ своихъ.

Но духъ нашъ мечется, и если намъ здѣсь не суждено создать печатнаго органа, объединяющаго всѣхъ русскихъ, попирающихъ классическую почву, то мы, вспомнивъ наши школьные годы, прибѣгаемъ къ гектографическому способу изданія, чтобы объединить хотя бы нашихъ соотечественниковъ этого города, и дать имъ возможность высказать во всеуслышаніе накопившіяся мысли и чувства.

Мы изгнанники и должны довольствоваться малымъ. Но малому открыта возможность вырасти. Поэтому первые неувѣренные шаги журнала ИЗГНАННИКЪ, какъ цѣлое, не могутъ тревожить, онъ выроститъ и окрѣпнетъ, на радость всѣмъ, если слишкомъ много нянекъ не испортятъ его характера. Однако мы смѣемъ надѣяться, что и въ своемъ дѣтствѣ ИЗГНАННИКЪ уже можетъ доставить нѣкоторую радость.

Желаніе выпустить первый номеръ на пасху заставило редакцію поторопиться сверхъ мѣры и лишило возможности тщательно выбрать и сгруппировать матеріалъ. Поэтому мы просимъ благосклонныхъ читателей и неблагосклонныхъ (чтобы узнать ихъ вкусъ) вмѣсто слишкомъ строгой критики прислать со своей стороны нѣчто лучшее для украшенія нашихъ страницъ.

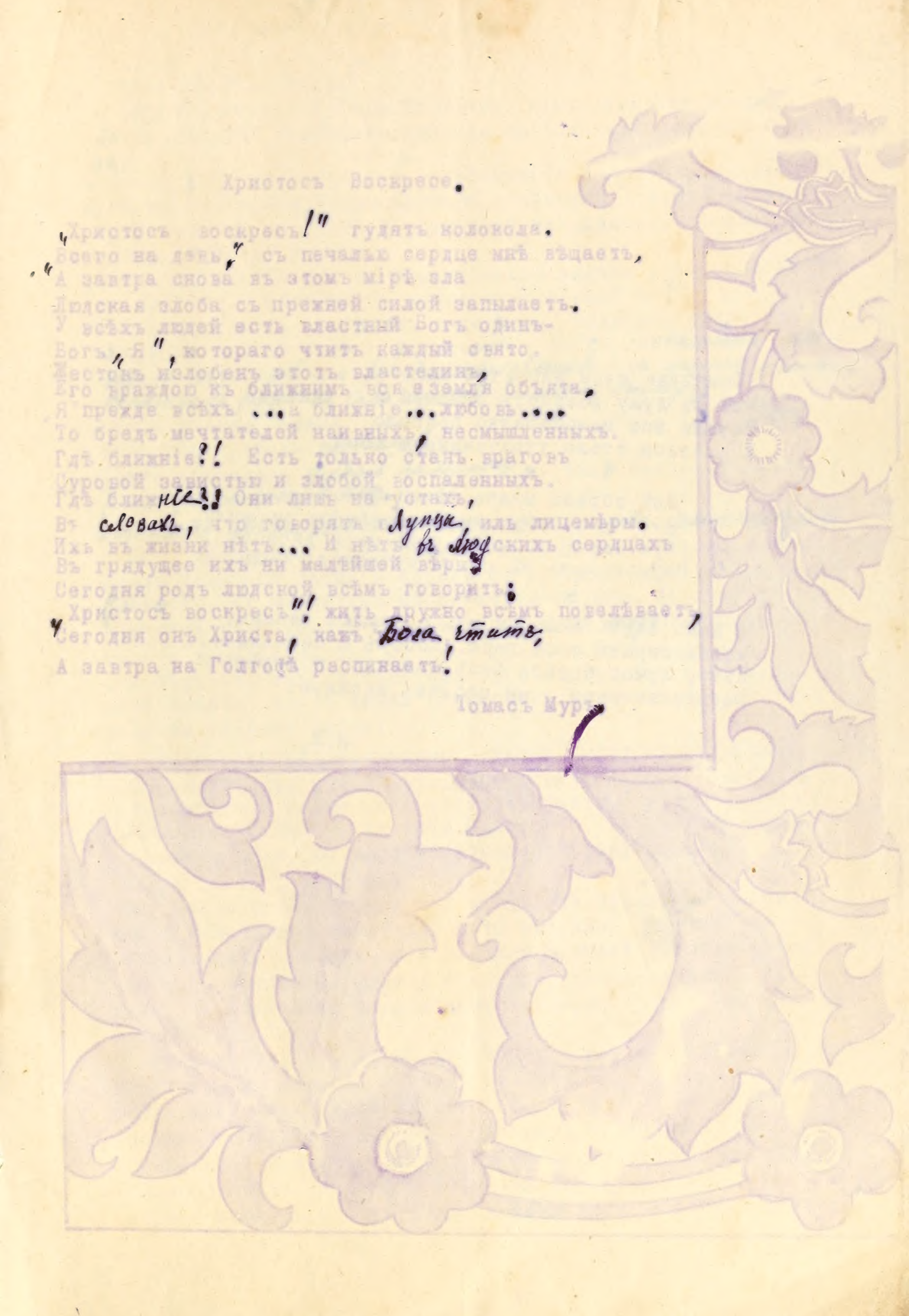

ПАСХА
проведенная въ лагерѣ бѣженцевъ
въ Салоникахъ.

Не съ торжествомъ, съ колоколами,
Подъ неумолчный перезвонъ -
Великій праздникъ встрѣченъ нами
Подъ звонъ разбитый, звонъ, какъ стонъ.
И робкій звукъ колокольца,
Что здѣсь благую вѣсть сказалъ,
Невольно наши всѣ сердца
Тоской по родинѣ сковалъ.
Христосъ Воскресъ! онъ намъ вѣщаетъ,
А мы молчимъ, и вотъ вдали
Звонъ погребальный отвѣчаетъ
Колоколовъ родной земли.
И погребальный звонъ церквей
Святой когда-то Руси нашей
Къ Христу несется - пожалѣй.
Упилась Русь страданья чашей.
Какъ ты былъ распятъ, такъ она
Уже распятой третій годъ
Кровоточить осуждена.
О пожалѣй ее Господь.
Грѣхи людей всѣхъ искупая
Вѣдь ты разбойника простилъ,
Что рядомъ на крестѣ страдая
Къ тебѣ съ мольбой взоръ обратилъ.
И если Русь своимъ страданьемъ
Грѣхи свои всѣ искупаетъ,
Что въ праздникъ этотъ съ упованьемъ
Народъ въ церквахъ къ тебѣ взываетъ:
"Спаситель нашъ, любя людей

Своимъ страданьемъ міръ Ты спасъ.
Святымъ крестомъ ты зло развѣй,
Спаси же Русь! Помилуй насъ!"

Л. Жоховъ.

Христосъ Воскресе.

„Христосъ воскресъ!" гудятъ колокола.
„Всего на день," съ печалью сердце мнѣ вѣщаетъ,
„А завтра снова въ этомъ мірѣ зла
Людская злоба съ прежней силой запылаетъ.
У всѣхъ людей есть властный Богъ одинъ-
Богъ „Я", котораго чтитъ каждый свято.
Жестокъ и злобенъ этотъ властелинъ,
Его враждою къ ближнимъ вся земля объята.
Я прежде всѣхъ ... а ближніе ... любовь ...
То бредъ мечтателей наивныхъ, несмышленныхъ.
Гдѣ ближніе?! Есть только станъ враговъ
Суровой завистью и злобой воспаленныхъ.
Гдѣ ближніе?! Они лишь на устахъ,
Въ словахъ, что говорятъ лгуны иль лицемѣры.
Ихъ въ жизни нѣтъ... И нѣтъ въ людскихъ сердцахъ
Въ грядущее ихъ ни малѣйшей вѣры.
Сегодня родъ людской всѣмъ говоритъ:
„Христосъ воскресъ"! жить дружно всѣмъ повелѣваетъ,
Сегодня онъ Христа, какъ Бога, чтитъ,
А завтра на Голгофѣ распинаетъ!

Томасъ Муръ

Сомнѣніе свое ядовитое жало,
Мнѣ въ душу вонзаетъ сильнѣй и сильнѣй.
Неужли все невозвратно пропало
И сказкою стало утраченныхъ дней.

Всѣ образы милые жизни былой,
Ко[illegible] въ гнѣздахъ старинныхъ мы жили,
Красивою, полной, какъ рѣки весной,
Неужто лишь въ словѣ осталися: были.

А намъ всѣмъ лишь смерть остается теперь,
Чтобъ скрыть своё горе, позоръ и безсилье...
Нѣтъ, лучше борьба безъ надеждъ, и повѣрь:
Побѣда за нами, мы сломимъ насилье.

Л. Ж.

Буревѣстникъ.

Разсказъ Федора Невскаго.

„И вѣдь уйдутъ, черти!"

Процѣдилъ сквозь зубы лейтенантъ, командиръ канонерской лодки „Марiя" направивъ бинокль на бѣлѣющiй далеко впереди парусъ.

„Цѣлый часъ мы уже идемъ, а сближенiе самое незначительное."

„Они идутъ съ попутнымъ вѣтромъ „бабочкой", вставилъ стоявшiй тутъ же на мостикѣ вахтенный начальникъ, поручикъ по адмиралтейству Морозовъ.

„Много тутъ сдѣлаешь съ нашими семью узлами, чортъ возьми совсѣмъ. Не война, а водотолчея какая то!"

Онъ подошелъ къ машинному телеграфу, схватилъ ручку, стоявшую на полномъ ходу, передвинулъ ее съ озлобленiемъ нѣсколько разъ вверхъ и внизъ, затрезвонивъ въ машинѣ и поставилъ обратно съ размаха какъ можно больше впередъ.

„Мало толку, пожалъ плечами Морозовъ, ..., Уже половина трубокъ сгорѣли."

Судно дрожало и гудѣло по корпусу, какъ желѣзный листъ, рѣзкая спокойную воду.

Море было цвѣта свѣтлой стали, чуть темнѣе блѣдно-сѣраго неба, ослѣпляющаго разсѣянными лучами уже низкаго солнца. Вдали виднѣлся плоскiй берегъ съ группой деревьевъ и колокольней. Въ миражномъ изображенiи теплаго воздуха они казались отрѣзанными отъ земли и плыли надъ горизонтомъ, какъ и приближающiйся къ нимъ бѣлой чайкой парусъ.

„А вѣдь это онъ, непремѣнно онъ, о которомъ намъ сообщили агенты, этотъ самый коммиссаръ Пузановъ съ миллiонами на закупку хлѣба!"

„Не иначе, сказалъ коммандиръ мрачно. Поэтому они и такъ заблаговременно начали удирать, и вѣдь ловко, канальи маневрируютъ: прямо по мелкому къ берегу прутъ."

„Достанете до нихъ, Алексѣй Ивановичъ," обратился онъ къ стоявшему внизу на палубѣ артиллерiйскому офицеру.

„Далеко очень", отвѣтилъ тотъ.

„Возьмите уголъ побольше и выпустите нѣсколько снарядовъ, можетъ они сдрефятъ, а то всеравно уйдутъ."

Зашевелилась прислуга у небольшой носовой пушки и вскорѣ блеснула оранжевая молнiя изъ дула, сопровождаемая рѣзкимъ, чрезвычайно непрiятнымъ трескомъ орудiй мелкаго калибра.

Черезъ минуту позади паруса выросло изъ воды бѣлое облачко, и затѣмъ донесся и звукъ разрыва.

Лодка продолжала свой курсъ.

„Уйдутъ, непремѣнно уйдутъ," повторилъ командиръ.

„Николай Ивановичъ, мы къ отмели приближаемся уже винтъ подымаетъ муть," доложилъ поручикъ Морозовъ.

„Готовьте лотъ, скомандовалъ лейтенантъ. Набросъ глубину.

- Есть, рявкнулъ матросъ, раскачивая свинцовый лотъ и бросилъ съ размаха впередъ выпуская за нимъ размѣченный красными тряпочками шнуръ.
- Шишнадцать, сказалъ онъ.
Семь футъ еще въ запасѣ. Ану ка еще одинъ зарядъ.
Результатъ остался тотъ-же.
- Какъ глубина?
Тринадцать.
- Измѣрять все время. Средній ходъ.
Двѣнадцать.
- Выстрѣлъ, скомандовалъ артиллеристъ и воздухъ треснулъ.
- Двѣнадцать, сказалъ лотовый.
Снарядъ видимо не разорвался, т.к. прошло время, а разрыва все не замѣтно.
Заходящее солнце, обломивъ свои лучи въ облакахъ позволяло на себя прямо смотрѣть и напоминало красный дискъ луны въ сырую погоду. Вѣтерокъ стихалъ, но парусъ приближался къ берегу и былъ уже плохо виденъ.
Одиннадцать.
- Малый ходъ. Еще бросьте имъ въ догонку.
Только раздался выстрѣлъ, какъ судно вдругъ заскрипѣло, зашуршало и остановилось.
- Сѣли на мель!
- А будь оно проклято, это Каспійское море, выругался командиръ. Какое-то болото, берега не видно, а воды по колѣна. Полный назадъ.
Но работавшій винтъ только отгонялъ оставленную позади судна на водѣ дорожку изъ коричневой мути и пузырей, не сдвигая Маріи съ мѣста. Началась суета, ругань, покрываемыя командой. Стали измѣрять глубину шестами вокругъ судна, стали выбрасывать лишній грузъ, выкачивать запасъ воды и когда наконецъ удалось сняться и выбраться на чистую воду, уже стемнѣло, а парусъ [illegible] было и слѣда.
Пошли обратно къ эскадрѣ, озлобленные своей неудачей.
- Командѣ ужинать!
Затопотали десятки ногъ по палубѣ и матросы встали въ хвостъ у камбуза со своими баками.
Офицеры спустились въ каютъ-компанію, а командиръ остался на мостикѣ.
Тѣсную каютъ-компанію освѣщала тускло керосиновая лампа.
Да оно и было лучше такъ: меньше бросалось въ глаза убожество обстановки и стола безъ скатерти съ разнопшерстной, бѣдной посудой. На одномъ мѣстѣ за недостаткомъ тарелки, стояла посудина сдѣланная изъ снарядной гильзы.
Ложки были деревянныя и оловянныя.
Ужинъ былъ весьма скудный, т.к. всѣ запасы уже клонились къ концу, вѣдь Марія стояла уже давно на позиціи, а база

надо заботилась, высылала неаккуратно и весьма скудно.
Берегъ былъ недоступенъ.
Продолжительное пребываніе въ морѣ, однообразіе, скука, скверное питаніе и лишенія сильно испортили настроеніе личнаго состава; нервность и озлобленность достигли высокой степени и каждая мелочь вызывала ссору. Эти заключенные вмѣстѣ на маленькомъ суднѣ люди при такой обстановкѣ стали почти ненавидѣть другъ друга, и видѣть окружающія, безсмѣнныя лица. Къ тому же Маріи послѣднее время особенно не везло. Это приписывалось тому, что они вышли изъ порта въ пятницу, вопреки морскому повѣрію.
Теперь всѣ мрачно сидѣли и жевали свою сухую кашу.
Молчаніе прервалъ поручикъ Морозовъ, коренастый, мрачнаго вида брюнетъ и такой силачъ, что поднималъ однимъ шлюпку на „таляхъ", которую съ другой стороны тащило пять матросовъ.
„Этотъ походъ для насъ добромъ не кончится, надо поскорѣй возвращаться, непремѣнно быть бѣдѣ."
„Ты насчетъ пятницы?"
„Мало того, а буревѣстника забылъ. Я какъ разъ стоялъ на вахтѣ, штормъ уже разгулялся во всю и меня безпрерывно обдавало мокрой пылью. Вѣтеръ вылъ, какъ сирена.
Вдругъ сразу на минуту все совершенно смолкло, даже жутко стало. Я замеръ и въ это время, среди неестественной, внезапной тишины, надъ моей головой раздался отвратительный душураздирающій крикъ. Кто его никогда не слышалъ, не можетъ его себѣ представить, но отъ него кровь застываетъ въ жилахъ.
Затѣмъ море опять рвануло съ новой силой, завыло, бросило мнѣ въ глаза горсть соленой влаги и я пришелъ въ себя. Надо мной на стеньгѣ сидѣлъ огромный, бѣлый буревѣстникъ. Вы всѣ знаете, какой это скверный признакъ: быть бѣдѣ на суднѣ. Надо во что бы то ни стало возвращаться, ибо пользы мы всеравно никакой не принесемъ. Намъ такъ не везетъ, что даже простой рыбницы поймать не могли. Мы напрасно будемъ мучиться и испытывать судьбу. Ждали мы ждали этого случая, а когда онъ наконецъ представился и мы могли быть вознаграждены за всѣ лишенія - выпустили! Хоть бы подстрѣлили ихъ, а то теперь эта сволочь смѣется надъ нами. Добросить не могъ горе артиллеристъ!"
„[illegible]новатъ, что-ли, что выпустили?" возразилъ артиллеристъ.
„А зачѣмъ на мель сѣли? Кажется изучили уже эту яму вдоль и поперекъ, такъ нѣтъ же, опять наскочили!"
„А если бы и не наскочили, всеравно они бы ушли. Развѣ съ

нашимъ ходомъ можно что-нибудь сдѣлать. Механикъ виноватъ такъ запустилъ машину, что мы ходъ потеряли.
Механикъ не удостоилъ этой выпадки отвѣта, онъ только беззвучно разсмѣялся, такъ какъ прекрасно понималъ, что все это одно желанiе сорвать на комъ-нибудь свое раздраженiе.
Онъ по своему характеру меньше всѣхъ страдалъ отъ настоящаго положенiя и сохранилъ свою невозмутимость.
Это былъ человѣкъ пожилой, апоплексической комплекцiи, съ большимъ животомъ, маленькой головкой и походилъ на грушу съ ножками. Соломеннаго цвѣта волосы его изображали оффицiально прическу ежикомъ, но на самомъ дѣлѣ напоминали поле ржи побитое градомъ. Въ бугристомъ лицѣ съ синими жилками утопали свиные глазки, а носъ, сизокрасный, безформенный, представлялъ нѣчто среднее между тутовой ягодой и бифштексомъ. Когда онъ смѣялся своимъ беззвучнымъ смѣхомъ, то потряхивалъ презабавнр свой животъ-пузырь.

Онъ находился на суднѣ съ его основанiя, зналъ и любилъ каждую гайку, каждую шестерню въ машинѣ и относился равнодушно ко всѣмъ смѣнамъ начальства и хозяевъ судна, происшедшимъ уже столько разъ при немъ. Послѣднiе годы онъ пересталъ на берегъ съѣзжать и совершалъ только путь отъ своей машины въ каюту и кают-компанiю. Въ машинѣ онъ самолично дѣлалъ грязную работу, если это было нужно, и [illegible]е, а остальное время лежалъ у себя на койкѣ и курилъ свою носогрѣйку, лежалъ часами, днями. Такимъ образомъ горизонтальное положенiе стало ему болѣе свойственнымъ, чѣмъ вертикальное. Ему уже трудно было ходить, одышка не давала, но настроенiе всегд было ровное, невозмутимое. Онъ какъ философъ, наблюдалъ за суетой окружающихъ и беззвучно смѣялся.

Старшiй офицеръ пожевалъ, пожевалъ свою сухую кашу, недоѣлъ, бросилъ съ ожесточенiемъ ложку и ушелъ къ себѣ въ каюту

Дѣйсивительно гадость. сказалъ поручикъ Морозовъ.
Вотъ жизнь. Мука кончилась, картошка кончилась, корнбифъ кончился, только эта крупа и осталась. Если бы крейсеръ не далъ намъ части муки [illegible]анной съ пойманной лайбы, то и этихъ сухихъ коржиковъ вмѣсто хлѣба у насъ не было бы.
Послѣ небольшой паузы онъ продолжалъ:
И гдѣ только такая крупа растетъ. никогда раньше въ жизни я такой и не видалъ, какiя-то моченыя пробковыя опилки, а не каша.
Спецiально для насъ выросла въ портовомъ складѣ, сказалъ артиллеристъ.
Портовые поступаютъ вѣдь съ продуктами, какъ китайцы съ часмь

лисв

[illegible]

[illegible] національный съѣздъ, онъ ставитъ своей [illegible] объединеніе усилій всѣхъ русскихъ людей [illegible] святого начала русской государственности.

[illegible] мощныхъ органовъ представительства несомнѣнно [illegible] русскихъ людей, подниметъ престижъ эмиграціи и улучшитъ [illegible] ное положеніе.

[illegible] эти органы достигнутъ своихъ цѣлей только при [illegible] самой массы эмигрантовъ въ видѣ такого же надпартійна[illegible] объединенія на мѣстахъ, къ чему и призываютъ насъ эти [illegible] въ своихъ воззваніяхъ.

[illegible] участіе каждаго изъ насъ въ продолжающейся [illegible] для полученія самими нами матеріальной помощи изъ [illegible], коими эти органы несомнѣнно будутъ располагать.

[illegible] необходимость такого же [illegible] среди всей русской колоніи [illegible].

[illegible] ающая въ этомъ направленіи инициативная группа [illegible] предполагаетъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней пригласить [illegible] ствующихъ этой идеѣ, независимо ихъ политическихъ убѣж- [illegible] на общее собраніе для выслушанія краткаго доклада [illegible] ованія общества Русскаго Объединенія.

[illegible] увѣренными, что всякій патріотъ служившій [illegible] времени національному дѣлу, почтетъ своимъ гра- [illegible] долгомъ, принять въ немъ участіе и тѣмъ принести [illegible] эту микроскопическую долю сыновней признатель- [illegible] за благо, которымъ онъ въ ней пользовался и не [illegible].

[illegible]

Лебеди.

Стихотвореніе въ прозѣ.

Въ комнатѣ царилъ мракъ.
Только отъ свѣчей на роялѣ струились желтоватыя волны свѣта, наполняя комнату длинными, подвижными тѣнями.
Она сидѣла за роялемъ.
Я видѣлъ въ полуоборотъ ея тонкую фигуру, ея нѣжный затылокъ съ однимъ строптивымъ локономъ, отскочившимъ въ [illegible], видѣлъ мягкія линіи граціозной головки, ея руки, обнаженныя широкимъ разрѣзомъ рукава, стремились къ клавишамъ въ мягчайшемъ изгибѣ напоминая лебединую шею. Подъ крупными, быстрыми пальчиками клавиши журчали и томились.
Эти звуки меня подхватили и понесли, понесли далеко назадъ и я увидѣлъ то, что когда-то было.

По темному отъ подводныхъ травъ, неподвижному пруду плыли бѣлые лебеди.
Кругомъ вѣковыя деревья замеревъ глядѣлись въ зеркальную поверхность. На противоположной сторонѣ за черной, зубчатой линіей верхушекъ еще пылалъ закатъ, темнопунцовый, тухнущій.
Тишина пустого храма.
Было-бы сказочно жутко, если бы доносящіеся звуки симфоніи не напоминали о близости здѣсь же за этой темной стѣной деревьевъ, пестрой, счастливой толпы.
Лебеди плавно, безшумно скользили по таинственно-черной водѣ, отражаясь во всей своей гордой красотѣ.
Какъ прекрасны бѣлые лебеди, символъ изысканности и поэзіи замковъ, старыхъ парковъ и тайныхъ свиданій.
Мы отдались настроенію этого вечера, мы: я и она, радость моей жизни, моя голубоглазая кудряшка.
Одной рукой она оперлась о мою руку легко, но въ чарующей ласковости, другой бросала въ прудъ кусочки бисквита и лебеди вылавливали его спокойно, полные чувства собственнаго достоинства.

Уже совсѣмъ стемнѣло, звѣзды зажигались одна за другой [illegible] пламя, какъ [illegible] фея надъ темной водой и [illegible] бѣлыхъ лебедей.

Природа уснула.
Только отголоски радостныхъ фанфаръ нарушали тишину.

О какъ чувства тогда были полны, и возвышены, скол[ько] тихаго счастья распирало грудь.

Фанфары смолкли.
Тихо все.
Легко стукнула крышка рояля и я очнулся.

Я очнулся и вспомнилъ, что лебеди всѣ уже давно пе[illegible] ты- и съѣдены въ борьбѣ.

Аспидъ.

Изгнаннику.

Какая-то печаль объемлетъ мою душу.
Не спрашивай меня, изгнанникъ, отчего....
Я такъ боюсь сказать, что будущаго трушу,
И больно мнѣ познать, что я ...что я ничто.

Еще недавно я такъ смѣло рвался въ битву,
Тоску, печаль и горе вызывалъ на бой....
Я презиралъ тогда и Бога и молитвы,
Я мнилъ, что я герой.

Боролся я за Русь, ея свободу,
Забывъ веселіе, забывши горечь слезъ,
Всѣ силы отдавалъ служенію народу.
И жилъ я въ царствѣ грезъ.

[illegible] тѣ [illegible] разбилися силы,
[illegible] родины отвергнутъ я больной.
Повѣяло вдругъ холодомъ могилы,
И не титанъ, я не герой.

Какая-то печаль объемлетъ мою душу,
Не спрашивай меня, изгнанникъ, отчего,
Я такъ боюсь сказать, что будущаго трушу,
И больно мнѣ познать, что я ..что я ничто.

Т.Ж.

[illegible]: Ну, така [illegible] же.
[illegible]: Да придется немного по-
доложить

— Что ты [illegible] холодный, то
[illegible]
на [illegible]

[illegible]

Затрещала оплывшая свѣчка
А [illegible]
Будто [illegible] грязная печка,
Уголъ сталъ мнѣ будто свѣтлѣй,
На [illegible] лежитъ полъ-селедки,
[illegible] черствый хлѣба кусокъ,
[illegible] И недоконченно водки
[illegible] бѣлый [illegible].

[illegible] на свою обстановку;
Пот[illegible], стѣны, койка и полъ
И въ pendant [illegible] всему- [illegible].
А вѣдь это послѣдний мой уголъ,
[illegible] какъ будто, убого,
Ну да что жъ и и этому радъ,
Таково назначенiе рока:
Мнѣ одинъ уголокъ- имъ громадъ [illegible]
А пока они кушаютъ насолку

[illegible] [illegible] уголъ,
[illegible] [illegible] сказочку
И за то получу гонорарь.
[illegible] [illegible] въ [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible],
[illegible], [illegible], [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] и [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible].

ГОВОРЯТЪ.

У кухонныхъ дверей
Стоитъ хвостикъ людей.
Подравнялися въ рядъ,
Точно взяли подрядъ.
Всѣ желаньемъ горятъ.
Говорятъ.

Что въ театрѣ „Sо[illegible]“ дружно дѣло идетъ,
Что директоръ послѣднiй костюмъ продаетъ,
На билеты въ театръ преогромнѣйшiй спросъ,
А артисты в не въ силахъ купить папиросъ.
Говорятъ.

Говорятъ, что бюро предлагаетъ намъ трудъ,
Только будто работки пока не даютъ.
Что бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.,
Если голоса нѣтъ- въ хоръ духовный идетъ.
Говорятъ.

Что ни день, как грибы кафенiоны растутъ,
И что бѣдныхъ овецъ то и дѣло стригутъ.
Что на рынкѣ на овощи падаетъ спросъ,
Потому де у насъ значитъ новый начхоз.
Говорятъ.

Кафенiоны сманили къ себѣ нашихъ дамъ.
Вѣдь въ лагерѣ скучно, а весело тамъ.
Напечатанъ Изгнанникъ мѣстами прескверно,
Обѣщаются лучше: не знаю, то вѣрно?
Говорятъ.

Ванечка.

ПРИНИМАЮТСЯ РУКОПИСИ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „ИЗГНАННИКЪ" со взносомъ по три драхмы передъ выходомъ номера. Число экземпляровъ ограничено и будетъ печататься по крличеству подписчиковъ.

Редакція помѣщается въ лагерѣ русскихъ бѣженцевъ въ зданіи лазарета.

Редактръ- издатель Ф.Р.Охотинъ
Отв.редакторъ Стоппель.

Печатать разрѣшено комендантомъ лагеря.

ПРІЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.
